

Весь Жюль Верн

Два года каникул

Часть первая

Глава 1

Буря. — Неоснащенная яхта. — Четыре мальчика на палубе «Sloughi». — Изорванный фок. — Осмотр внутреннего помещения яхты. — Полузадушенный юнга. — Кормовая волна. — Вид берега в утреннем тумане. — Подводные скалы.

Ночью 9 марта 1860 года тучи, сливаясь с морем, заслоняли горизонт.

Среди бушующих волн с синеватым отблеском несло легкое судно почти без парусов. То была яхта водоизмещением в сто тонн.

Эта яхта носила название «Sloughi», но слово это нельзя было разобрать на корме, так как часть ее над гакабортом была оторвана волной.

Было 11 часов вечера. На этой широте в начале марта ночи еще коротки. Рассветает в пять часов утра. Но уменьшится ли опасность, угрожающая «Sloughi», когда взойдет солнце? Не

останется ли хрупкое судно во власти волн? Разумеется, только прекращение шквала могло спасти его от ужасного крушения посреди океана, вдали от земли, где бы оставшиеся в живых могли найти себе спасение.

На корме «Sloughi» у рулевого колеса стояли три мальчика, одному из них было 14 лет, а двум другим по 13 лет. На палубе был еще юнга, двенадцатилетний негр. Они употребляли все силы, чтобы отражать натиск волн, которые могли опрокинуть яхту. Это было очень трудно, так как колесо, вертевшееся вопреки их усилиям, могло выбросить их за борт. Около полуночи в борт яхты ударила такая сильная волна, что только чудом не снесло руль. Мальчики, упавшие на палубу, вскочили.

— Действует ли руль, Бриан? — спросил один из них.

— Да, Гордон, — ответил Бриан, снова заняв свое место с прежним хладнокровием.

— Держись крепко, Донифан, и не будем терять присутствия духа! Кроме нас есть еще другие, кого надо спасти.

Эти слова были сказаны по-английски, хотя выговор Бриана обнаруживал его французское происхождение. Бриан спросил у юнги:

— Ты не ушибся, Моко?

— Нет, господин Бриан, — ответил тот. —

Нужно употребить все усилия, чтобы не дать яхте накрениться, иначе мы перевернемся.

В эту минуту открылся люк, ведущий в кают-компанию. На уровне палубы показались две маленькие головки и раздался лай выскочившей собаки.

— Бриан, Бриан! — кричал девятилетний мальчик. — Что случилось?

— Ничего, Айверсон, — ответил Бриан. — Отправляйся вниз с Додем, да поскорей.

— Нам очень страшно, — добавил другой мальчик, поменьше первого.

— А другие что? — спросил Донифан.

— Другие также боятся, — отвечал Доль.

— Ступайте все прочь, — сказал Бриан. — Запритесь, спрячьтесь под одеяло, закройте глаза, и вам не будет страшно. Опасности нет.

— Осторожнее, волна! — воскликнул Моко.

Вал с силой ударился о корму яхты, но на этот раз, к счастью, не залил «Sloughi», иначе вода проникла бы внутрь через люк на лестницу и отяжелевшая яхта не смогла бы удержаться на поверхности воды.

— Уходите прочь! — закричал Гордон. — Уходите, иначе вы будете иметь дело со мной.

— Ну, ступайте, детки, — добавил Бриан более ласковым тоном.

Обе головки исчезли в ту минуту, когда

третий мальчик, показавшийся в люке, спросил:

— Не помочь ли, Бриан?

— Нет, Бакстер, — ответил Бриан. — Кросс, Феб, Сервис, Уилкокс и ты, оставайтесь с детьми. Нас четверых будет достаточно на палубе.

Бакстер запер дверь.

На этой яхте, уносимой ураганом, были только дети. Их было пятнадцать, считая Гордона, Бриана, Донифана и юнгу. Как же случилось, что они пустились в плавание? Об этом мы узнаем позже.

На яхте не было никого из взрослых. Ни капитана, чтобы распоряжаться, ни матросов, чтобы исполнять приказания, ни рулевого, чтобы управлять в такую бурю. Никого!

Никто не мог определить точного положения яхты.

Что же случилось? Погиб ли экипаж яхты? Не захватили ли его малоазийские пираты, оставив только юных пассажиров, предоставленных самим себе? Старшему из них было только 14 лет. Для яхты водоизмещением в сто тонн необходимо по крайней мере иметь капитана, пять или шесть матросов, а из всей команды остался только юнга! Откуда же шла эта яхта и куда?

На все эти вопросы, которые мог бы предложить капитан встретившегося судна яхте «Sloughi», дети, без сомнения, могли бы ответить;

но нигде не было видно ни судна, ни океанских пароходов, ни торговых, ни парусных судов, которые Европа или Америка посылают сотнями к портам Тихого океана. Если бы даже и встретилось парусное или паровое судно, то из-за бури оно не могло бы помочь яхте, которую море подбрасывало, как легкую щепку.

В это время Бриан и его товарищи делали все, чтобы яхта не накренилась в какую-нибудь сторону.

— Что делать? — спросил Донифан.

— Все, чтобы только спастись! — ответил Бриан. — Будем работать с Божьей помощью.

Это говорил юноша при таких обстоятельствах, когда самый энергичный человек мог потерять голову.

Буря усиливалась. Ветер дул «с быстротой молнии», как выражаются моряки, и это очень верно, потому что шквал легко мог разбить яхту. Кроме того, уже двое суток грот-мачта была лишена снастей и сломана в четырех футах над партнерсом, так что нельзя было прикрепить паруса, чтобы увереннее управлять судном. Фок-мачта без флагштока еще держалась но, ослабленная, могла каждую минуту рухнуть на палубу. На носу остатки маленького кливера, хлопая, производили звук, похожий на выстрелы из ружья, а парус фок-мачты грозил разорваться, так как у юношей не хватило сил убрать его. Если бы

это случилось, яхта не могла бы держаться под ветром, волны опрокинули бы ее и она вместе с пассажирами исчезла в бездне.

Нигде не было видно ни острова, ни материка. Пристать к берегу было бы опасно, и, однако, это не остановило бы мальчиков, их больше страшило бескрайнее море. Каков бы ни был берег, какими бы ни были глубина, прибой, зыбь, буруны около скал, все-таки они считали бы это спасением для себя, — это была бы твердая земля, а не океан, готовый их поглотить.

Они высматривали, не покажется ли какой-нибудь огонек, на который могли бы направить яхту, но в эту темную ночь ничего не было видно.

В первом часу ночи страшный треск заглушил рев шквала.

— Фок-мачта сломалась! — воскликнул Донифан.

— Нет, — ответил юнга. — Это оторвался парус от ликтросов.

— Его нужно убрать совсем, — заметил Бриан. — Гордон, оставайся у руля с Донифаном, а ты, Моко, иди мне помогать.

Если Моко в качестве юнги имел некоторое понятие о морском деле, то и Бриан не совсем был невеждой в этом отношении, так как он немного познакомился с устройством судна, когда плыл из

Европы в Океанию по Атлантическому и Тихому океанам. Вот почему другие мальчики, ничего не понимавшие в морском деле, должны были положиться на Моко и на Бриана и вверить им командование яхтой.

Бриан и юнга смело бросились на нос яхты.

Для того чтобы она могла свободно двигаться, надо было постараться освободиться от фок-мачты, которая не только мешала свободному ходу яхты, но и подвергала ее опасности перевернуться и оказаться на мели. Случись это, она не смогла бы подняться, разве только им удалось бы сломать металлические ванты и срубить фок-мачту у самого основания. Но едва ли дети могли справиться с такой работой.

В данном случае Бриан и Моко проявили необыкновенную ловкость. Решив сохранить парус, чтобы во время шквала держать яхту под фордевиндом, они ослабили фал реи, понизившейся на четыре или пять футов над палубой. Оборванные лоскутья паруса были отрезаны ножом, а нижние части ошвартованы, причем оба мальчика рисковали быть сброшенными в бездну. В таком состоянии яхта могла еще держаться своего прежнего направления, и она быстро неслась по гребням волн.

Покончив с этим, Бриан и Моко вернулись к Гордону и Донифану, чтобы помочь им управлять

рулем. В эту минуту снова отворился люк и высунулась детская головка. Это был Жак, брат Бриана, моложе его на три года.

— Что тебе надо, Жак? — спросил Бриан.

— Поди сюда, скорее, — ответил Жак. — Вода доходит до салона.

— Неужели? — воскликнул Бриан и быстро спустился вниз.

В салоне тускло горела лампа. На диванах и кушетках лежали десять детей. Самые маленькие — от 8 до 9 лет — в ужасе прижимались друг к другу.

— Опасности нет, — успокаивал их Бриан. — Мы здесь. Не бойтесь!

Взяв зажженный фонарь, он осмотрел пол и смог убедиться, что вода текла от одного борта яхты до другого. Откуда появилась эта вода? Может, она проникла в какую-нибудь трещину обшивной доски? Это нужно было узнать.

Перед салоном находились большие каюты, столовая и кубрик для матросов. Бриан обошел все каюты и заметил, что вода не проходила ни над грузовой ватерлинией, ни под ней. Вода влилась через люк, когда волны затопили нос яхты, и проникла во внутренние помещения. Таким образом, с этой стороны опасности не было.

Бриан, вернувшись в салон, успокоил своих товарищей и пошел к рулю. Прочно построенная яхта не текла и была в состоянии бороться с

волнами.

Пробило час ночи. От нависших туч становилось еще темнее. Шквал разразился со всей силой. В воздухе раздавались резкие крики буревестников. Можно ли было заключить по их появлению, что земля близка? Нет, потому что их часто можно встретить за несколько сот миль от берега.

Через час на палубе снова раздался треск. Остатки фок-мачты были уничтожены, и клочки парусов разлетелись в пространство, точно огромные чайки.

— У нас нет больше паруса, — воскликнул Донифан, — а поставить другой нельзя!

— Ничего, — ответил Бриан. — Будь уверен, что от этого мы не поплывем медленнее.

— Хороший ответ, — возразил Донифан. — Если это твой способ управлять...

— Берегитесь волн с кормы, — крикнул Моко. — Нужно крепче держаться, иначе нас унесет.

Не успел юнга произнести эти слова, как через борт хлынула огромная волна. Бриан, Донифан и Гордон были отброшены к люку, за который им удалось уцепиться. Но юнга был смыт волной, которая прокатилась через палубу, от кормы до носа, смыв часть плота, две шлюпки и ялик, несколько жердей и подставку компаса.

— Моко... Моко!.. — закричал Бриан, как только у него появилась способность говорить.

— Не выбросило ли его в море? — заметил Гордон, наклоняясь через борт.

— Надо его спасти... бросить ему буй... веревки! — кричал Бриан.

Его голос громко разнесся среди наступившей вдруг тишины:

— Моко! Моко!

— Ко мне... сюда!.. — отозвался юнга.

— Он не в море, — сказал Гордон. — Его голос раздается с носа яхты.

— Я его спасу! — воскликнул Бриан и пошел по палубе, стараясь, насколько возможно, не ушибиться о блоки, болтающиеся на концах полуослабленных снастей, и не упасть на скользкой палубе, что было почти невозможно при боковой качке.

Снова раздался голос юнги. Затем все смолкло.

Наконец Бриану удалось с большими усилиями достичь люка, ведущего в служебные каюты.

Он позвал Моко.

Ответа не было.

Может быть, его унесло в море новой волной, после того как он крикнул в последний раз? В таком случае несчастный мальчик должен быть

теперь далеко от яхты и, вероятно, погиб.

Но нет! До Бриана донесся слабый стон, и он бросился к бушприту. Там бился юнга, запутавшийся в снастях. Фал, все более натягиваясь от усилий, сжимал ему горло. Этот фал и задержал его в ту минуту, когда огромная волна настигла его.

Бриан вынул нож и с трудом перерезал веревку, душившую юнгу.

Моко перенесли на корму, и, придя в себя, он произнес:

— Благодарю вас, господин Бриан, благодарю.

Он занял свое место у руля, и все четверо снова приготовились бороться с бурей. Вопреки предположению Бриана, скорость яхты немного уменьшилась, так как не было фок-мачты, и это представляло новую опасность. Действительно, волны, перегонявшие яхту, могли залить ее с кормы.

Но снабдить судно новым парусом было невозможно.

В южном полушарии март соответствует сентябрю северного полушария и имеет ночи средней долготы. Так как было четыре часа утра, то горизонт должен был уже посветлеть на востоке, то есть над той частью океана, к которой буря гнала яхту. Может быть, с наступлением дня шквал уменьшится? Может быть, покажется суша и судьба

этих детей решится через несколько минут? С зарей все будет видно.

В половине пятого на горизонте показался проблеск света. К несчастью, из-за тумана нельзя было видеть далеко. Облака мчались с ужасной быстротой. Ураган не ослабевал, и море было покрыто пеной бушевавших волн. Яхта, то приподнимаясь на самый гребень волны, то опускаясь в бездну, могла несколько раз опрокинуться, если бы была обращена боком к ветру.

Четверо смотрели на этот хаос бушующих волн. Они хорошо сознавали, что если не утихнет буря, то их положение станет безнадежным. Яхта не сможет бороться еще сутки с волнами, и кончится тем, что она будет разнесена в щепки.

Вдруг раздался крик Моко:

— Земля!.. Земля!

Сквозь туман в бледном просвете юнге показалось, что он видит на востоке очертания берега.

Не ошибался ли он? В таком тумане облака легко принять за неясно очерченные берега.

— Земля? — переспросил Бриан.

— Да, — ответил Моко, — на востоке земля.

Он указал на линию горизонта, скрывавшуюся в тумане.

— Ты уверен? — спросил Донифан.

— Да!.. да!.. конечно, — ответил юнга. — Когда туман рассеется, смотрите сюда... немного правее фок-мачты. Вот она!

Туман, начиная редеть, отделился от моря и поднялся вверх. Через некоторое время горизонт прояснился впереди яхты на расстоянии нескольких миль.

— Да, действительно, это земля! — воскликнул Бриан.

— И очень низменная! — прибавил Гордон, внимательно рассматривая замеченный берег.

На этот раз нечего было сомневаться: в пяти или шести милях от яхты обрисовалась земля: материк или остров. Благодаря направлению, по которому следовала яхта, и невозможности отклониться от него, она могла добраться до этой земли менее чем через час. Можно было опасаться, что яхта будет разбита, особенно если прибой остановит ее прежде, чем она достигнет земли. Но дети об этом не думали. В этой земле они видели только свое спасение.

Ветер подул сильнее. Яхту несло, как перышко, к берегу, который на беловатом фоне неба ясно обрисовывался черной, точно проведенной чернилами полосой. На заднем плане возвышалась скала, высотой до 200 футов. Впереди тянулся желтоватый плоский песчаный берег, как будто покрытый лесом с правой стороны. Если яхте

удастся достигнуть этого песчаного берега, миновав подводный риф, если устье реки примет их судно, то, может быть, молодые путешественники останутся невредимы.

В то время как Донифан, Гордон и Моко стояли у руля, Бриан пошел на нос яхты и смотрел на приближающуюся землю. Но напрасно он искал какое-нибудь место, куда бы они могли пристать при более благоприятных условиях. Не было видно ни устья реки или ручья, ни песчаной отмели.

Бриан решил, что все его товарищи должны быть на палубе в ту минуту, когда яхта сядет на мель, и, открыв люк, закричал:

— Все наверх!

Тотчас же выскочила собака, за ней около десяти детей. Самые маленькие, увидя волны, закричали от ужаса.

Около шести часов утра «Sloughi» подошла к передней линии бурунов.

— Крепче держитесь! Крепче! — кричал Бриан.

Сбросив половину одежды, он был готов помочь каждому, кого подхватит прибой, потому что имелась вероятность того, что яхта наскочит на подводный риф.

Вскоре почувствовался первый толчок. Яхта ударилась об утес кормой, но вода не проникла сквозь обшивную доску.

Вторая волна приподняла ее и отнесла на 50 футов вперед, так что яхта не коснулась скал, торчащих из воды. Затем она накренилась левым бортом и остановилась среди kloкочущих волн прибоя. Хотя она теперь была не в открытом море, но до песчаного берега оставалось еще с четверть мили.

Глава 2

Среди бурунов. — Бриан и Донифан. — Виднеющийся вдали берег. — Приготовления к спасению. — Спор из-за ялика. — С верхушки фок-мачты. — Смелая попытка Бриана. — Действие высокого прилива.

Туман рассеялся, и теперь можно было видеть вокруг яхты на значительное расстояние. Тучи неслись с той же быстротой, шквал не утихал. Может быть, это были его последние порывы в незнакомых частях Тихого океана?

Нужно было надеяться на это, потому что и теперь опасность была не меньше, чем ночью, когда яхте пришлось выдержать бурю в открытом море. Дети, прижимаясь друг к другу, считали себя погибшими, когда волна переливалась через борт и покрывала их пеной. Удары были еще сильнее оттого, что яхта не могла заслониться парусами.

Несмотря на то, что она вздрагивала и ударялась задней частью кия о гребень рифа, пробоины еще не было. Бриан и Гордон, спустившись вниз, убедились, что вода не пройдет в трюм, и успокаивали, насколько могли, своих товарищей, особенно малышей.

— Не бойтесь, — постоянно повторял Бриан. — Яхта прочная. Берег близко... Подождите, и мы постараемся добраться до него.

— Зачем же ждать? — спросил Донифан.

— Да, зачем? — прибавил Уилкокс, мальчик лет двенадцати. — Донифан прав... Зачем ждать?

— Потому что море еще беспокойно и мы можем наскочить на скалы, — ответил Бриан.

— А если яхта разобьется?! — воскликнул третий мальчик, по имени Феб, почти одного возраста с Уилкоксом.

— Не думаю, чтобы можно было этого опасаться, — возразил Бриан, — пока прилив уменьшается. Когда же наступит отлив и стихнет ветер, мы будем пытаться спастись.

Бриан был прав. Разница в уровне прилива и отлива в Тихом океане довольно значительна. Имело смысл подождать несколько часов, особенно если стихнет ветер. Может быть, после отлива часть рифа выступит из воды. Тогда не так будет опасно оставить яхту и достичь берега, находящегося в четверти мили от них.

Хотя это и был благоразумный совет, но Донифан и некоторые другие мальчики не хотели следовать ему. Они отошли в сторону и обсуждали создавшееся положение.

Ясно было, что Донифан, Уилкоккс, Феб и Кросс не соглашались с Брианом. Во время долгого плавания «Sloughi» они потому только повиновались Бриану, что у него было больше навыка, чем у них, и решили, что, как только сойдут на сушу, снова будут пользоваться свободой действий — особенно Донифан, считавший себя умнее и способнее Бриана. Кроме того, Донифан давно завидовал Бриану, а так как последний был француз, то молодые англичане неохотно повиновались ему.

Можно было опасаться, что это настроение увеличит трудность положения, и без того тревожного.

Донифан, Уилкоккс, Кросс и Феб смотрели на пространство, покрытое пеной водоворота. Самый искусный пловец не мог бы бороться с отливом. Совет подождать несколько часов был вполне основателен. Донифану и его товарищам пришлось в этом убедиться, и они вернулись на корму, где находились самые маленькие. В это время Бриан говорил Гордону и окружавшим его мальчишкам:

— Мы не должны разлучаться... Иначе мы погибнем.

— Не намереваешься ли ты и теперь командовать нами?! — воскликнул Донифан, услышав его слова.

— Ничего подобного, — ответил Бриан, — но для общего нашего спасения надо действовать согласно.

— Бриан прав! — прибавил Гордон, хладнокровный, серьезный мальчик, никогда не говоривший необдуманно.

— Да!.. Да!.. — закричали еще двое или трое мальчиков, которых тайное предчувствие заставляло быть на стороне Бриана.

Донифан не возражал; со своими товарищами он отошел в сторону, дожидаясь удобного момента для высадки на берег.

Что это была за земля? Был это какой-нибудь остров Тихого океана или материк? Этот вопрос можно было решить только тогда, когда яхта приблизится к берегу и можно будет его рассмотреть. Впадина, образующая большой залив, оканчивалась двумя мысами, — один довольно возвышенный и отвесный к северу, другой к югу. Что было за этими двумя мысами, Бриан не мог рассмотреть в подзорную трубу.

Если это остров, то как им покинуть его, если нельзя будет снять яхту с мели и во время прилива она разобьется о рифы. А если этот остров еще и необитаем — в Тихом океане есть и такие, — то как

они будут поддерживать свое существование?

На материке было больше возможности спастись, так как это могла быть Южная Америка и во владениях Чили или Боливии они нашли бы помощь если и не сейчас, то по крайней мере через несколько дней, хотя опять-таки поблизости были бы пампасы и могли встретиться разные опасности. Но в данную минуту важен был только вопрос, как добраться до суши.

Видимость была настолько хорошая, что можно было разглядеть впереди песчаное побережье, за ним утес и группу деревьев посередине. Бриан даже указал на устье реки по правую сторону берега.

Хотя этот берег не представлял ничего привлекательного, но зелень деревьев указывала на известное плодородие почвы. Вероятно, за утесом растительность, защищенная от ветра, была еще лучше.

Не было заметно, чтобы в этой части берега жил кто-нибудь. Не видно было ни дома, ни хижины, даже при устье реки. Может быть, туземцы, если и были таковые, предпочитали жить внутри страны, где они были более защищены от резких ветров.

— Я совсем не вижу дыма, — сказал Бриан, опуская подзорную трубу.

— И около берега нет ни одной лодки, —

заметил Моко.

— Их и не может быть, ведь там нет гавани, — возразил Донифан.

— Ее и не нужно для этого, — заметил Гордон. — Рыбачьи лодки могли остановиться в устье реки, если бы буря заставила их уйти из открытого моря.

Замечание Гордона было справедливо.

По той или по другой причине, но не было видно лодок, и эта часть берега казалась необитаемой. Можно ли на нем жить, если потерпевшим крушение детям придется там остаться несколько недель? Вот что главным образом должно было их занимать.

Между тем начинался отлив, хотя очень медленно, благодаря ветру, становившемуся слабее. Нужно было быть наготове к тому моменту, когда образуется удобный проход между рифами.

Было около 7 часов. Каждый старался принести на палубу яхты самые необходимые вещи, а остальные собрать, когда яхту прибьет к берегу. И маленькие, и большие принялись за дело. На яхте был довольно большой запас консервов, галет, соленого и копченого мяса. Их упаковали в тюки, рассчитанные по силам старших мальчиков.

Но чтобы перевезти все на берег, необходимо, чтобы скалы показались из-под воды. Обнажатся ли скалы до берега при отливе?

Бриан с Гордоном старательно наблюдали за морем. По мере того как ветер стихал, оно становилось тише, стихал и рев буруна, таким образом, легко было заметить убывание воды по выдающимся верхушкам скал. Яхта накренилась на левую сторону, и можно было опасаться, что она опрокинется набок.

В таком случае вода зальет палубу прежде, чем они покинут яхту, и их положение станет очень серьезным. Как было жаль, что шлюпки унесло во время бури. На них Бриан и его товарищи могли бы теперь добраться до берега и было бы легко устроить сообщение между берегом и яхтой, чтобы перевезти необходимые вещи, которые пришлось оставить на судне. А теперь, если она будет разбита в следующую ночь, куда будут годны оставшиеся вещи? Провизия вся испортится. Потерпевшим крушение придется ограничиться одними дарами этого берега. Вдруг на носу раздались крики. Бакстер только что сделал важное открытие. Одна из лодок яхты находилась между ватерштагами. В этом ялике не могло поместиться 5–6 человек, но так как он был цел — что было освидетельствовало, едва они втащили его на палубу, — то им можно было воспользоваться. Надо было только подождать, чтобы вода спала больше. В это время возник спор, в котором приняли участие Бриан и Донифан. Дело в том, что Донифан, Уилкоккс, Феб и

Кросс, завладев яликом, собирались спустить его за борт, когда Бриан подошел к ним.

— Что вы хотите делать? — спросил он.

— Ехать в этом ялике, — ответил Уилкокс.

— Да, — возразил Донифан, — и ты не посмеешь нам помешать!

— Нет, посмею, — сказал Бриан, — я и все те, которых ты хочешь покинуть.

— Покинуть? С чего ты это взял? — надменно возразил Донифан. — Я никого не хочу покидать, слышишь? Добравшись до берега, один из нас приведет ялик обратно.

— А если его нельзя будет вернуть! — воскликнул Бриан, едва сдерживаясь. — Если он разобьется об эти скалы!

— Садитесь, едем! — сказал Феб, отгалкивая Бриана. С помощью Уилкокса и Кросса он поднял ялик, чтобы спустить его на воду.

Бриан схватил ялик за борт.

— Вы не поедете, — сказал он.

— Это еще посмотрим, — возразил Донифан.

— Вы не поедете, — повторил Бриан, твердо решив сопротивляться для общей пользы. — Прежде всего, ялик надо оставить для самых маленьких, если во время отлива останется много воды и можно будет доплыть до берега.

— Не мешай нам! — воскликнул Донифан, вне себя от гнева. — Повторяю тебе, Бриан, ты не

смеешь мешать нам.

— А я тебе, Донифан, повторяю, — закричал Бриан, — что смею.

Юноши были готовы броситься друг на друга. В этой ссоре Уилкоккс, Феб и Кросс, конечно, взяли бы сторону Донифана, тогда как Бакстер, Сервис и Гарнетт стояли бы за Бриана. Могли произойти неприятности, если бы не вмешался Гордон. Он был самый старший, умел владеть собой, понимал, как теперь опасна ссора, и заступился за Бриана.

— Донифан, — сказал он, — подожди немного. Ты видишь, море еще волнуется, и мы можем лишиться ялика.

— Я не хочу, — воскликнул Донифан, — чтобы Бриан командовал нами, как он это начал делать с некоторого времени!

— Нет! И мы этого не позволим, — возразили Кросс и Феб.

— Я не намереваюсь командовать, — ответил Бриан, — но и не позволю другим, если это касается общей пользы.

— Мы так же заботимся о других, как и ты, — возразил Донифан. — Теперь, когда мы у берега...

— К сожалению, еще нет, — заметил Гордон. — Донифан, не упрямясь и подожди спускать ялик до более удобного момента.

Гордону часто приходилось быть посредником между Донифаном и Брианом, и

теперь было кстати, что он вмешался и отвел их ссору.

Прилив понизился на два фута. Было бы очень полезно узнать, нет ли фарватера между бурунами. Бриан, решив рассмотреть положение скал с фок-мачты, пошел на нос яхты, схватился за ванты штирборта и на руках поднялся до бар. Через весь риф шел свободный проход, направление которого обозначали торчащие из воды, словно вехи, верхушки скал. Но в данную минуту море еще волновалось и нельзя было даже думать спустить ялик на воду. Он неизбежно наскочил бы на камни и разбился в одну минуту. Во всяком случае лучше было подождать.

Забравшись наверх, Бриан с помощью подзорной трубы смог увидеть весь берег до скалы, и на девятимильном пространстве между двумя мысами берег казался ему необитаемым.

Через полчаса, закончив наблюдения, Бриан спустился и дал своим товарищам отчет о виденном. Донифан, Уилкокс, Феб и Кросс молча выслушали его, но Гордон отнесся иначе и спросил:

— Бриан, яхта, кажется, села на мель около шести часов утра?

— Да, — ответил Бриан.

— А сколько времени надо ждать отлива?

— Я думаю, часов пять. Не правда ли, Моко?

— Да... от пяти до шести часов, — ответил

юнга.

— Значит, около одиннадцати часов, — продолжал Гордон, — будет самое удобное время попробовать добраться до берега.

— Я так и рассчитывал, — сказал Бриан.

— Ну, — продолжал Гордон, — приготовимся же к этому времени и подкрепимся. Если нам придется добираться вплавь, то пусть это будет через несколько часов после еды.

Совет был хорош, как и нужно было ожидать от этого благоразумного юноши. Сели за завтрак, состоявший из консервов и сухарей. Бриан главным образом заботился о маленьких. Дженкинс, Айверсон, Доль, Костар со свойственной их возрасту беспечностью успокоились и могли объесться, так как сутки ничего не ели, но все сошло благополучно, и для подкрепления они выпили воды с коньяком.

После завтрака Бриан пошел на нос яхты и там, облокотившись о борт, начал рассматривать риф.

Вода убывала медленно. Однако было заметно, что уровень моря понижается, так как наклон яхты увеличивался. Моко, бросив лот, узнал, что над рифом еще оставалось по крайней мере футов на 8 воды. Можно ли было надеяться, что вода уйдет настолько, что риф выйдет из воды? Моко не думал, что это так будет, и считал

необходимым сказать об этом Бриану потихоньку, чтобы никого не напугать. Бриан посоветовался с Гордоном. Оба хорошо понимали, что ветер, хотя и немного дул к северу, но все же мешал воде понизиться до обычного уровня.

— Что делать? — спросил Гордон.

— Не знаю, не знаю! — ответил Бриан. — Какое несчастье не знать, что делать... быть только детьми, когда нужно было быть взрослыми!

— Нужда нас научит! — возразил Гордон. — Не надо отчаиваться, Бриан, и будем действовать благоразумно.

— Хорошо, Гордон! Но если мы не сойдем с яхты до следующего прилива, если еще придется провести ночь на яхте, то мы погибли.

— Это ясно, так как яхта будет вся разбита. Во что бы то ни стало мы должны сойти с нее.

— Верно, Гордон.

— Не построить ли какой-нибудь плот и не протянуть ли веревку от берега к яхте?

— Я об этом уже думал, — ответил Бриан. — К несчастью, все слепи унесены волнами. У нас нет времени ломать палубу и из досок делать плот; остается ялик, которым нельзя воспользоваться, потому что море бурно. Но вот что можно попробовать, это протянуть канат через риф и закрепить его конец за выступ одной из скал. Может быть, тогда удастся перебраться на берег.

— Кто потащит канат?

— Я, — ответил Бриан.

— Я тебе помогу, — заметил Гордон.

— Нет, я один! — возразил Бриан.

— Воспользуйся яликом.

— Могу попортить его, Гордон, лучше сохранить ялик, как последнее средство.

Однако прежде чем привести в исполнение этот опасный план, Бриан хотел принять полезную предосторожность, чтобы быть готовым ко всякой случайности. На яхте было несколько спасательных поясов, и он заставил маленьких надеть их на случай, если им придется с яхты прежде, чем вода спадет; эти пояса их поддержат, а старшие будут толкать их к берегу, цепляясь сами за канат.

Было четверть одиннадцатого, три четверти часа оставалось до окончания отлива. Вода была не выше четырех или пяти футов и еще могла понизиться только на несколько дюймов. В 60 ярдах, действительно, глубина заметно увеличивалась — что можно было узнать по темному цвету воды и по многочисленным торчавшим верхушкам скал. Трудность состояла в том, чтобы переплыть глубокое место около яхты.

Во всяком случае, если бы Бриану удалось протянуть канат в этом направлении, прочно прикрепить его к одной из скал, то он мог бы добраться до того места, где можно достать ногами

дно. Кроме того, спустив по канату тюки с провизией и необходимые инструменты, они бы благополучно добрались до суши.

Как ни была опасна его попытка, Бриан не хотел, чтобы его кто-нибудь заметил. На яхте было почти сто футов буксирного каната. Бриан выбрал канат средней толщины и, раздевшись, один конец его обмотал вокруг пояса.

— Эй, вы, — закричал Гордон, — идите травить канат!

Донифан, Уилкокс, Кросс и Феб не могли отказаться от участия в деле, пользу которого они понимали, и приготовились разматывать канат, который надо было понемногу отпускать, чтобы сберечь силы Бриана. В ту минуту, когда Бриан собирался кинуться в воду, его брат подбежал, крича:

— Бриан, Бриан!

— Не бойся за меня, Жак, — ободрил его Бриан.

Еще минута — и он показался на поверхности воды, быстро плывя, в то время как канат разматывался сзади него. Плыть было бы трудно и при спокойном море, потому что прибой сильно ударял о скалы. Встречные и поперечные течения мешали смелому юноше держаться прямой линии, и когда волны его подхватывали, ему было чрезвычайно трудно выбраться. Однако Бриан

мало-помалу приближался к берегу, в то время как его товарищи постепенно отпускали канат. Становилось заметно, что его силы начинали истощаться, хотя он отплыл от яхты всего только на 50 футов. Перед ним кипел водоворот от встречи двух разнонаправленных волн. Если бы удалось его миновать, то, может быть, он достиг бы своей цели, потому что за водоворотом море было спокойнее. Он с большим усилием попробовал броситься влево, но попытка ни к чему не привела. Здесь даже сильный взрослый пловец ничего бы не мог сделать. Подхваченного течением Бриана понесло в самый центр водоворота.

— Помогите!.. Тащите! — успел он прокричать. На яхте все пришли в ужас.

— Тащите! — хладнокровно распорядился Гордон.

В одну минуту Бриан был вытащен назад на палубу; он был в обмороке, но скоро пришел в себя. Попытка протянуть канат между яхтой и скалами не удалась. Никто не решался повторить ее. Несчастные дети были вынуждены ждать... Но чего? Помощи? Откуда и от кого?

Был уже первый час пополудни. Начинался прилив, и прибой усиливался. Так как было новолуние, то надо было ждать более сильного прилива.

Если ветер с моря не прекратится, то он может

снести яхту с ее каменистого ложа, она будет ударяться о риф, и волны ее опрокинут. Никто не переживет этой развязки. Сделать ничего было нельзя.

Все стояли на корме, старшие окружили маленьких и смотрели, как увеличивался прилив и заливал верхушки скал одну за другой. К несчастью, ветер дул с запада и, как накануне, со страшной силой проносился над самой землей. Когда станет глубже, высокие волны покروют яхту своими брызгами и с силой будут ударяться о нее. Только чудо могло помочь юным мореплавателям. Они молились и плакали. К двум часам яхта, приподнятая волнами, больше уже не кренилась на левую сторону, но вследствие килевой качки нос начал ударяться о камни. Толчки все увеличивались, и яхта качалась из стороны в сторону. Дети вынуждены были держаться друг за друга, чтобы не быть выброшенными за борт. В эту минуту в двух кабельтовых от яхты набежала с открытого моря пенящаяся громадная волна выше 20 футов. Как бешеный поток она покрыла весь каменный риф, приподняла яхту и пронесла ее над скалами, не задев ни одну из них.

В одну секунду яхта очутилась среди клокочущей воды, ее пронесло почти до середины песчаного берега, и она ударилась об отмель в 200 футах от деревьев, находящихся у подножия скалы.

Под ней была твердая земля, и волны, отхлынув, оставили берег.

Глава 3

Пансион Черман в Окленде. — Взрослые и дети. — Каникулы в море. — Яхта «Sloughi». — Ночь на 15 февраля. — По течению. — Абордаж. — Буря. — Поиски в Окленде. — Что осталось от яхты.

Пансион Черман был в то время в большой славе в Окленде, столице Новой Зеландии, главной английской колонии Тихого океана. В нем обучалось до ста мальчиков, принадлежащих к лучшим семьям. Детей маори — туземцев этого архипелага — в пансион не принимали; для них были другие школы. В этом пансионе воспитывались только дети англичан, французов, американцев, немцев, сыновья землевладельцев, купцов, капиталистов, местных должностных лиц. Они получали такое же законченное образование, как во всех подобных учебных заведениях Англии.

Архипелаг Новой Зеландии состоит из двух главных островов: на севере ИкаНамауи, или остров Рыбы, на юге — Таваи-Пупаму, или Земля Нефрита. Отделенные друг от друга проливом Кука, они лежат между 34° и 45° южной широты —

такое же положение занимает в северном полушарии Франция и север Африки. Остров ИкаНамауи, сильно изрезанный в южной своей части, образует подобие неправильной трапеции, тянущейся к северо-западу по кривой линии, оканчивающейся мысом ВанДимена.

Почти в начале этой кривой линии, в том месте, где остров имеет только несколько миль, находится город Окленд. По положению он похож на греческий город Коринф, почему и получил название Южного Коринфа. В нем две открытые гавани, одна на западе, другая на востоке. Восточная гавань в заливе Гаураки неглубока, и пришлось построить несколько длинных пристаней (мол), как у англичан, куда бы могли причаливать суда средней тоннажности. Одна из них называется Коммерческой, к ней примыкает Королевская улица, одна из главных в городе.

На этой улице находился пансион Черман.

15 февраля 1860 года днем из названного пансиона вышла толпа учеников, сопровождаемых родителями. Мальчики были веселы и радостны, как птички, только что выпущенные из клетки.

Это было начало летних каникул. Два месяца самостоятельности, два месяца свободы! Для некоторых учеников предстояло морское путешествие, о котором давно шли толки в пансионе Черман. Нечего и говорить о той зависти,

которую возбуждали счастливы, имевшие возможность отправиться на яхте «Sloughi» и совершить плавание вокруг берегов Новой Зеландии. На этой красивой яхте, зафрахтованной родителями учеников, предполагалось плавать шесть недель. Она принадлежала отцу одного из учеников мистеру Уильяму Гарнетту, бывшему начальнику коммерческого флота, на которого вполне можно было положиться. Подписка, сделанная между родителями, должна была покрыть путевые издержки и предоставить детям полный комфорт. Это было большой радостью для юношей, и трудно было придумать лучший способ для проведения каникул.

В английских пансионах система воспитания непохожа на принятую во французских учебных заведениях. Ученикам дают больше самостоятельности, а следовательно, и относительной свободы, что так хорошо влияет на их будущее. Они меньше остаются на положении детей. Словом, воспитание идет рука об руку с образованием.

Здесь дети по большей части вежливы, услужливы, с хорошими манерами и, что особенно важно, мало склонны к скрытности или лжи, даже когда им грозит справедливое наказание. Надо также заметить, что в этих учебных заведениях реже живут в общей комнате. Обыкновенно дети

занимают отдельные спальни, где имеют право пить чай. Когда они едят в столовой, то могут разговаривать совершенно свободно.

В зависимости от возраста ученики распределяются по отделениям, которых в пансионе Черман было пять. В первом и во втором отделениях были маленькие дети — они целовали своих родителей; а в третьем — подростки, которые заменяли сыновний поцелуй пожатием руки взрослого человека. За ними уже не было постоянного присмотра, чтение романов и журналов было им дозволено, у них было больше свободных дней, и часы уроков были ограничены. Физическое воспитание в пансионе было хорошо поставлено: гимнастика, бокс, различные игры. Но как исправительное средство при такой самостоятельности, которой ученики редко злоупотребляют, введены были и телесные наказания, главным образом розги. Надо заметить, что быть высеченным — у молодых англичан не считалось позором, и они покорялись этому наказанию без ропота, если сознавали, что заслужили.

Англичане, как всем известно, уважают традиции как частной, так и общественной жизни, и этих традиций, хотя бы они и были нелепы, придерживаются и в учебных заведениях. Если старшие ученики покровительствуют новеньким, то

с условием, чтобы эти последние в обмен непременно оказывали им домашние услуги, состоящие в том, чтобы утром приносить завтрак, чистить платье и сапоги, исполнять мелкие поручения. Этот обычай называется «фаггизм», и дети в этом положении называются «фаггами». Эти услуги обыкновенно исполняют ученики первых отделений для старших учеников, и в случае отказа им грозит тяжелая жизнь. Но отказов почти не бывает, и это приучает их к дисциплине, которую нельзя встретить у учеников других стран. К тому же традиция требует этого, и если существует страна, которая больше всего сохраняет ее, то это Соединенное королевство, где она одинаково относится как к простым обывателям, так и к пэрам палаты лордов.

Ученики, собиравшиеся путешествовать на яхте «Sloughi», принадлежали к различным отделениям пансиона Черман.

Мы уже знаем, что на палубе яхты находились дети от 8 до 14 лет. Их было 15, считая юнгу.

Необходимо познакомиться с возрастом каждого из них, с их способностями, характером, общественным положением семьи, а также с отношениями, которые существовали между ними в училище.

Исключая двух французов, Бриана и его брата, и американца Гордона, все остальные были

англичане. Донифан и Кросс — двоюродные братья, и оба из пятого отделения — принадлежали к одной из богатых семей Новой Зеландии. Им было лет по тринадцать с небольшим.

Донифан, изящный, заботящийся о своей наружности, был, бесспорно, самым знатным учеником. Умный и прилежный, он учился из любви к самообразованию и желая быть выше своих товарищей. Его манера держать себя вызвала насмешливое прозвище Лорд Донифан, и благодаря своему надменному характеру он хотел главенствовать повсюду. Между ним и Брианом возникло соперничество, начавшееся несколько лет тому назад и обострившееся с тех пор, как, благодаря обстоятельствам, увеличилось влияние Бриана на товарищей. Что касается Кросса, то это был обыкновенный школьник, проникнутый восторгом ко всему, что думает, говорит или делает его двоюродный брат Донифан.

Бакстер был из того же отделения, тринадцати лет, рассудительный, хладнокровный мальчик, труженик, способный к разным физическим работам, сын купца с довольно скромными средствами.

Феб и Уилкокс, двенадцати с половиной лет, были ученики четвертого отделения. Среднего ума, довольно своевольные и вздорные, они всегда были требовательны к своим «фаггам». Их семьи были

богаты, и отцы их занимали важные посты в местном управлении. Гарнетт — сын отставного капитана, Сервис — богатого колониста. Оба они жили в Норд-Шорп на северном берегу порта Уэтемала. Обе семьи были очень дружны, а потому и мальчики были неразлучны. Они были добродушны и достаточно ленивы. Гарнетт особенно пристрастился к аккордеону, что очень ценилось в английском флоте. Как сын моряка, он играл в свободные минуты на своем любимом инструменте, который не забыл взять с собой и на «Sloughi». Что касается Сервиса, то это был первый весельчак и шалун, потешавший весь пансион Черман и мечтавший только о путешествиях, начитавшись о Робинзоне Крузо и Швейцарском Робинзоне.

Кроме этих были еще два девятилетних мальчика. Дженкинс, сын председателя Ново-Зеландского учебного общества, и Айверсон, сын священника собора св. Павла.

Один был в третьем, а другой во втором отделении, и оба считались в пансионе хорошими учениками.

Наконец, еще двое: Доль, восьми с половиной лет, и Костар, восьми лет, оба сыновья офицеров англозеландской армии, живущих в маленьком городе в 6 милях от Окленда на берегу гавани Маникаи. Они принадлежат к таким детям, о

которых ничего нельзя сказать, разве только, что Доль был очень упрям, а Костар лакомка. Хотя они по успехам не выделялись в первом отделении, но не считались и отстающими, потому что умели читать и писать.

Итак, все эти дети принадлежали к почтенным семьям, давно поселившимся в Новой Зеландии. Остается рассказать об остальных трех мальчиках.

Американцу Гордону — четырнадцать лет. В его фигуре и манерах проглядывает грубость настоящего янки. Неловкий и тяжеловесный, он, бесспорно, был самым положительным учеником пятого отделения. Если он не так блестящ, как Донифан, то у него есть здравый смысл, практическая сметка, которую он часто обнаруживал в серьезных вещах. У него был наблюдательный ум и холодный темперамент. Педантичный до мелочности, он размещал свои мысли в голове в таком же порядке, как вещи в своем шкафу, где все было распределено по местам, надписано и отмечено в особой памятной книжке. Словом, товарищи его уважали, признавали его качества и хорошо относились к нему, хотя он и не был англичанином. Гордон был родом из Бостона; круглый сирота, которому семью заменил его единственный родственник-опекун, прежде бывший консульским агентом. Несколько лет назад он оставил службу, нажил состояние и жил в

красивой вилле, стоящей на возвышенности около селения Маунт-Сент-Джон.

Два молодых француза, Бриан и Жак, были сыновьями известного инженера, который два года тому назад провел большие работы по осушению болот на острове ИкаНамауи. Старшему было 13 лет. С большими способностями, но ленивый, он часто бывал одним из последних учеников пятого отделения. Однако, когда хотел, с его способностями и замечательной памятью, быстро поднимался до первого разряда, чему Донифан больше всего завидовал. Бриан и он никогда не ладили в пансионе Черман, то же самое было и на яхте. Бриан был смелый, предприимчивый и ловкий, находчивый в спорах, а кроме того, услужливый, добрый мальчик, ничего не имеющий общего с Донифаном; он и одевался немного небрежно и не следил за манерами; словом, был совсем француз и этим резко отличался от своих товарищей-англичан. Он часто защищал слабых от старших, злоупотреблявших своей силой, и с первых дней не был «фаггом», а потом и обходился без них. Из-за этого происходили драки, из которых он почти всегда выходил победителем благодаря мужеству и силе. Товарищи любили его, и когда возник вопрос о том, кому управлять яхтой, большинство из них согласились повиноваться ему — тем более было известно, что он приобрел

некоторые морские сведения во время переезда из Европы в Новую Зеландию.

Что касается его брата Жака, то его до сих пор считали самым большим шалуном, не хуже Сервиса. Он беспрестанно изобретал новые проказы и приставал к товарищам, за что его нередко наказывали. Но его характер совершенно изменился после отплытия яхты, и причина этой перемены была загадкой для всех. Таковы были мальчишки, выброшенные бурей на какую-то землю в Тихом океане.

Во время плавания вдоль берегов Новой Зеландии яхтой должен был командовать ее владелец, отец Гарнетта, один из смелых членов яхт-клуба австралийских морей. Много раз его яхта показывалась около берегов Новой Каледонии, Новой Голландии, от пролива Торреса до южных пределов Тасмании, около Моллукских островов, Филиппинских и Целебеса, в местах, опасных даже для крупных судов. Но это была яхта хорошо построенная, очень прочная и великолепно выдерживавшая даже бурю.

Экипаж состоял из боцмана, шестерых матросов, повара и юнги Моко, двенадцатилетнего негра, семья которого была в услужении у новозеландского колониста. Надо еще упомянуть прекрасную охотничью собаку Фанна, американской породы. Она принадлежала Гордону

и никогда не отходила от своего хозяина.

День отъезда был назначен на 15 февраля. Яхта стояла в конце Коммерческого мола в довольно просторном месте гавани. Экипажа еще не было на яхте, когда 14-го вечером молодые пассажиры явились на ее палубу. Капитан Гарнетт должен был подойти к моменту снятия с якоря. Только боцман и юнга встретили Гордона и его товарищей — остальные матросы ушли выпить по стаканчику виски на дорогу. Когда все разместились, боцман решил присоединиться к своему экипажу. Он пошел в один из трактиров, где они собрались, и засиделся до поздней ночи. Что касается юнги, то он лег спать.

Дальше случилось невероятное. Канат, которым яхта была пришвартована к пристани, оказался отвязанным. Неизвестно, был ли это злой умысел или небрежность. На яхте этого никто не заметил.

Густой мрак окутал порт и залив Гаураки. Ветер сильно дул с суши, и яхта, подхваченная отливом, понеслась в открытое море.

Когда юнга проснулся, то яхта качалась от волнения, которое нельзя было принять за обычный прилив. Моко поспешил подняться на палубу. Яхта была далеко снесена ветром. На крик юнги Гордон, Бриан, Донифан и несколько других ребят, соскочив со своих коек, бросились на палубу.

Напрасно они звали на помощь. Не видно было огней ни в городе, ни в гавани. Яхта уже была в открытом море, в трех милях от берега.

Прежде всего, по совету Бриана и юнги, мальчики попробовали поставить парус, чтобы, лавируя, вернуться в порт. Но слишком тяжелый парус не мог хорошо быть уложен и только помогал восточному ветру уносить яхту еще быстрее. «Sloughi» обогнула мыс Колвилль, дошла до пролива, отделяющего его от острова Грот-Баррьер, и вскоре очутилась далеко от Новой Зеландии.

Положение стало критическим. Бриан и его товарищи не могли надеяться на скорую помощь с земли.

В случае, если какое-нибудь судно из порта отправится за ними, несколько часов пройдет прежде, чем оно догонит их, допуская, что возможно будет найти яхту в такой темноте. Детям приходилось выбирать из этого положения своими собственными силами. Если переменится ветер, им нечего и думать вернуться к берегу.

Правда, оставалась надежда встретить какое-нибудь судно, идущее в один из портов Новой Зеландии. Это предположение было сомнительно, но Моко поспешил поднять фонарь на верх фок-мачты. Оставалось только ждать рассвета.

Маленькие не проснулись от суматохи, и их решили не будить. Они бы испугались и увеличили

беспорядок на яхте.

Однако было сделано еще несколько попыток поставить яхту под ветер. Но он ослабевал и быстро уклонялся к востоку.

Вдруг в двух или трех милях показался свет белого фонаря наверху мачты — сигнал идущего парохода. Вскоре показались другие установленные огни — красный и зеленый, и так как они оба были видны сразу, то это значило, что пароход идет прямо на яхту.

Мальчики напрасно кричали. Шум волн, свист выходящего из клапанов пара и усиливавшийся ветер заглушали их крики.

Однако, если они их не слышат, то не увидят ли матросы с вахты фонарь «Sloughi»? Это была последняя надежда. К несчастью, во время килевой качки фал сломался, фонарь упал в море и нельзя было заметить присутствие «Sloughi», на которую пароход шел со скоростью 12 миль в час.

В несколько секунд пароход подплыл к яхте и разбил бы ее, но, к счастью, столкновение произошло только у кормы и ограничилось тем, что была содрана обшивка.

В общем, удар был так слаб, что пароход даже не заметил его и, оставив яхту на произвол надвигающегося шквала, продолжал свой путь. Капитаны очень часто не оказывают помощь судну, с которым столкнулись; это считается преступным,

но случается очень часто. В данном случае вполне возможно, что на пароходе не заметили столкновения с легкой яхтой, которой совсем не было видно в темноте.

Ветер гнал яхту, и мальчики сознавали, что им грозит гибель. Настало утро, и на необъятном пространстве ничего не было видно.

В этой части Тихого океана редко встречаются корабли; суда, идущие из Австралии в Америку и обратно, проходят севернее или несколько южнее.

Наступила ночь, еще более худшая, и хотя шквал утихал, ветер не переставал дуть с запада. Ни Бриан, ни его товарищи не могли себе и представить, сколько времени придется им скитаться по волнам. Напрасно пытались они повернуть яхту в новозеландские воды. У них не хватало ни знания того, как изменить ход, ни силы, чтобы поставить паруса. В этих условиях Бриан, выказывая необыкновенную для своих лет энергию, приобрел такое влияние над своими товарищами, что и сам Донифан подчинился ему. Если с помощью Моко ему не удалось отвести яхту к западу, то по крайней мере он мог ее поддерживать, как умел. Он не жалел себя, не спал ни ночью, ни днем, упорно высматривая на горизонте какой-нибудь спасительный знак. Он также позаботился выбросить в море несколько бутылок с

записками об их несчастье. От этой меры многого нельзя было ожидать, но он ею не хотел пренебрегать.

Между тем западный ветер продолжал нести яхту по Тихому океану, и нельзя было ни замедлить ее ход, ни увеличить скорость.

Через несколько дней после того, как яхту снесло течением из залива Гаураки, поднялась буря, которая свирепствовала в продолжение двух недель. Яхта несколько раз подвергалась опасности быть разбитой ударами чудовищных волн; это и случилось бы, если бы она не была так прочно построена. Наконец, «Sloughi» причалила к незнакомой земле Тихого океана.

Какова же будет судьба мальчиков, потерпевших кораблекрушение в 1800 лье от Новой Зеландии? Откуда придет к ним помощь? Их родители могли думать, что они вместе с яхтой поглощены морем. Вот почему, когда в Окленде стало известно об исчезновении «Sloughi» в ночь с 14 на 15 февраля, то об этом тотчас известили капитана Гарнетта и родителей несчастных детей; в городе произошел переполох, и всех охватило отчаянье.

Если канат лопнул или оторвался, то яхту могло отнести в залив. Может быть, ее можно было найти, хотя усиливающийся западный ветер внушал страшные опасения. Не теряя ни минуты, начальник

порта принял меры для оказания помощи яхте. Два небольших парохода были отправлены на розыски за несколько миль в залив Гаураки. В течение ночи они обошли все опасные места, и когда вернулись с рассветом, всякая надежда исчезла у родителей, потрясенных этой ужасной катастрофой.

Хотя пароходы и не нашли яхты, однако они подобрали обломки от нее, а именно часть обшивки и борта, отскочивших при столкновении с пароходом «Квито», который даже не заметил несчастной яхты.

На куске борта можно было прочесть три или четыре буквы названия «Sloughi», и все решили, что яхта была разбита и погибла вместе с пассажирами в 12 милях от берегов Новой Зеландии.

Глава 4

Первое исследование побережья. — Бриан и Гордон в лесу. — Тщетная попытка найти грот. — Наличное имущество. — Провизия, оружие, одежда, постельные принадлежности, инструменты и снасти. — Первый завтрак. — Первая ночь.

Берег был пустынный — таким он казался Бриану во время его наблюдения с фок-мачты. Уже прошел час, как яхта села на мель, но не было еще

видно ни одного туземца. Ни под деревьями, росшими перед скалой, ни у берегов реки, поднявшейся от прилива, не было видно ни дома, ни хижины, ни палатки. Даже не было заметно человеческого следа на песчаном берегу, окаймленном длинной полосой водорослей. В устье речки не было никаких рыбачьих лодок. На всем протяжении залива между южным и северным мысом не виднелось струйки дыма.

Прежде всего Бриан и Гордон решили отправиться к деревьям и, если возможно, взобраться на скалу.

— Вот мы и на суше, это уже что-нибудь значит! — сказал Гордон. — Но что это за земля? Она кажется необитаемой.

— Нам важно то, чтобы на ней можно было жить, — ответил Бриан, — на некоторое время нам хватит провизии, только бы найти пристанище... хотя бы для маленьких... О них надо позаботиться прежде всего.

— Да! Ты прав, — ответил Гордон.

— Мы успеем еще узнать, куда попали, — возразил Бриан, — прежде надо устроить самое необходимое. Если это материк, то можно надеяться скоро найти помощь. Если это необитаемый остров... ну, мы посмотрим, что тогда делать. Пойдем, Гордон, на поиски.

Они быстро дошли до группы деревьев,

росших между скалой и правым берегом реки, шагов на 300 или 400 вверх от устья.

В лесу не было видно никаких следов присутствия человека, ни просеки, ни тропинки. Старые стволы, упавшие от времени, лежали на земле, и Бриан с Гордоном увязали по колено в сухих листьях.

Птицы боязливо разлетались, как будто уже научились остерегаться человека. Может быть, этот берег и был необитаем, но его иногда могли посещать жители соседней земли.

За десять минут оба мальчика прошли через лес, который становился гуще около скал, отвесно возвышавшихся на 180 футов от земли. Не найдется ли какой-нибудь пещеры у основания этих скал, где бы они могли приютиться?

Действительно, если бы там нашлась пещера, которая была бы защищена от ветра деревьями и куда море не доходило бы даже во время волнения, то это было бы великолепное убежище. Там они могли бы поместиться на время, пока более тщательное исследование берега не позволит им проникнуть внутрь материка. К несчастью, в этой крутой скале Гордон и Бриан не нашли никакого грота, ни малейшей трещины, по которой могли бы взобраться наверх. Чтобы идти вглубь., надо было, вероятно, обогнуть скалу.

С полчаса оба мальчика шли к югу вдоль

основания скалы. Они дошли таким образом до правого берега реки, извиристо направлявшейся к востоку. Этот берег был покрыт прекрасными деревьями, другой же был совершенно ровный и без зелени, так что его можно было принять за большое болото.

Надежда мальчиков не оправдалась. Не имея возможности добраться до верха скалы, откуда, без сомнения, им бы можно было видеть местность на несколько миль в окружности, Бриан и Гордон вернулись на яхту.

Донифан и другие ходили на скалы в то время, как Дженкинс, Айверсон, Доль и Костар играли и собирали раковины.

Бриан и Гордон рассказали старшим о результатах своего исследования. В ожидании дальнейших изысканий решили не покидать яхты.

Хотя она была разбита в нижних своих частях и дала сильную трещину на бакборте, однако могла служить временным пристанищем на том месте, где села на мель.

Так как каюты и салон уцелели, то в них можно было укрыться от шквала. Камбуз также не пострадал от ударов о скалы — к большому удовольствию маленьких, которых главным образом интересовал вопрос еды.

Счастьем было, что мальчикам не пришлось переносить на берег предметы, необходимые для

жизни. Допустив даже, что это им удалось бы, каким трудностям, какому утомлению они бы тогда подверглись? Если бы яхту продолжали разбивать волны, то как бы они могли спасти ее части? Море быстро бы разрушило яхту, и погибли бы все вещи, консервы, оружие, запасы, одежда, постельные принадлежности, инструменты. К счастью, прилив выбросил «Sloughi» за каменный риф! Если на ней нельзя было больше плавать, зато можно было жить, потому что ее подводные части выдержали шквал и она так крепко засела в песке, что прилив не мог ее сдвинуть. Конечно, постепенно от солнца и дождя она бы разрушилась и перестала бы годиться для убежища.

Самым лучшим было на первое время остаться на яхте. Так они и сделали. По веревочной лестнице, повешенной на штирборте, как большие, так и маленькие могли дойти до дверей в каюты. Моко, в качестве юнги умевший немного готовить, и Сервис, любивший хорошо покушать, принялись за стряпню. Все ели с аппетитом, и даже Дженкинс, Айверсон, Доль и Костар развеселились. Только Жак, бывший в пансионе первым весельчаком, продолжал держаться в стороне. Все заметили такую перемену в характере Жака, но он угрюмо уклонялся от вопросов, предлагаемых ему товарищами.

Все утомились после такой ужасной бури и

захотели спать. Бриан, Гордон и Донифан хотели дежурить по очереди. Они боялись, что появятся дикие животные или туземцы, которые также могли быть опасны. Ничего подобного не случилось. Ночь прошла без тревоги, и когда солнце взошло, они помолились и принялись за работу.

Прежде всего надо было составить список вещей на яхте: провизии, оружия, инструментов, одежды. Вопрос о пище был самым важным, потому что берег казался совершенно пустынным. Можно было рассчитывать на рыбную ловлю и охоту, если только будет дичь. Донифан был хорошим охотником, но дичи он пока еще не заметил, хотя и видел стаи птиц над поверхностью рифов и береговых скал. Но было бы печально, если бы пришлось питаться морскими птицами. Поэтому нужно было знать, на сколько времени хватит им припасов, находившихся на яхте.

Проверив запасы, они нашли, что только сухарей был значительный запас, а консервов, ветчины, рубленой свинины, говядины, солонины, ящиков с тушеным мясом хватило бы не более чем на два месяца при самой тщательной экономии. Чтобы добраться до прибрежных портов или внутренних городов, им, может быть, придется пройти несколько сот миль; следовательно, надо сохранить провизию и с первого же дня начать пользоваться местными продуктами.

— Только бы не испортились консервы! — заметил Бакстер. — Ведь морская вода могла проникнуть в трюм.

— Это мы увидим, когда откроем подпорченные ящики, — ответил Гордон. — Может быть, консервы надо переварить, и тогда можно будет их употреблять.

— Я это сделаю, — ответил Моко.

— Принимайся за дело поскорее, — заметил Бриан, — потому что первые дни нам придется питаться тем, что есть на яхте.

— Отчего нам сегодня не пойти на скалы, возвышающиеся на севере залива, и не набрать там яиц, годных для пищи? — спросил Уилкоккс.

— Да, да! — воскликнули Доль и Костар.

— Почему нам не наловить рыбы? — добавил Феб. — Разве на яхте нет удочек, а в море рыбы? Кто хочет идти ловить рыбу?

— Я!.. Я!.. — закричали дети.

— Хорошо, хорошо! — заметил Бриан. — Но это не игра, мы дадим удочки только тем, кто умеет ловить.

— Успокойся, Бриан! — ответил Айверсон. — Мы не будем шалить.

— Хорошо, мы начнем осмотр того, что у нас есть на яхте, — сказал Гордон. — Нельзя думать только об одной пище.

— На завтрак можно набрать моллюсков, —

заметил Сервис.

— Хорошо, — ответил Гордон, — дети, идите втроем или вчетвером. Моко, ступай с ними.

— Слушаю, господин Гордон.

— Смотри за ними хорошо, — добавил Бриан.

— Не беспокойтесь!

Юнга, на которого можно положиться, был услужливым мальчиком, ловким и храбрым. Он был очень полезен юным мореплавателям. Моко особенно был предан Бриану, который тоже не скрывал своей симпатии к юнге. Подобной симпатии его товарищи — англичане, наверно, стыдились бы.

— Пойдемте! — воскликнул Дженкинс.

— Разве ты с ними не пойдешь, Жак? — спросил Бриан, обращаясь к своему брату.

— Нет! — ответил Жак.

Дженкинс, Доль, Костар и Айверсон отправились в сопровождении Моко к скалам. Может быть, в скважинах скал они соберут хороший запас моллюсков, ракушек, даже устриц; сырые или вареные, они могли бы составить солидное добавление к утреннему завтраку. Мальчишки шли, подпрыгивая, находя в этом больше удовольствия, чем пользы, что вполне было свойственно их возрасту. Они забыли только что пережитые испытания и не беспокоились об угрожающих опасностях.

Едва младшие ушли, начался осмотр яхты. Донифан, Кросс, Уилкокс и Феб пересмотрели оружие, запасы, одежду, постельные принадлежности и инструменты. Бриан, Гарнетт, Бакстер и Сервис подсчитали напитки: вина, эль, коньяк, виски, джин, находившиеся на дне трюма в бочонках вместимостью от десяти до сорока галлонов¹. Каждый осмотренный предмет Гордон записывал в свою памятную книжку. В этой книжке, кроме того, были заметки, относящиеся к каютам и грузу яхты. Методичный американец, можно сказать счетовод от рождения, теперь имел уже общее понятие о хранившихся у них запасах. На яхте был полный набор запасных парусов, различных снастей, канатов и тому подобного. Если бы яхта была еще в состоянии плавать, то ничего не стоило бы ее оснастить, в противном случае новые паруса и веревки пригодятся, когда мальчики будут устраиваться на берегу. Великолепные рыболовные снасти, ручные сети и различные удочки также значились в инвентаре — все это пригодилось, если бы оказалось много рыбы.

Из оружия было записано в книжке 8 охотничьих ружей центрального боя, длинные, дальнобойные ружья и 12 револьверов, 300

¹ Английский галлон равняется приблизительно 5 бутылкам.

патронов, два бочонка пороху, по 25 фунтов в каждом, и довольно большое количество свинца, дроби и пуль. Этот запас, предназначенный для охоты во время стоянки яхты у берегов Новой Зеландии, будет здесь употреблен с большей пользой для охраны жизни — дай Бог, чтобы не пришлось ее защищать. В пороховой камере нашлось несколько сигнальных ракет, около 30 ядер — метательных снарядов для двух маленьких пушек яхты, которыми, надо надеяться, не придется воспользоваться, чтобы отражать нападения туземцев.

Одежды и кухонных принадлежностей хватило бы надолго. Если часть посуды была разбита от удара яхты о риф, то все-таки осталось еще достаточное количество. Нашлась и различная одежда: фланелевая, драповая, бумажная и парусиновая, в таком количестве, что годилась для всякой температуры.

Если эта земля находилась под одной широтой с Новой Зеландией — что весьма возможно, так как после отхода яхты из Окленда дул западный ветер, — то нужно было ожидать сильной жары летом и больших холодов зимой. К счастью, на яхте было много необходимой одежды. Так, в сундуках экипажа были панталоны, шерстяные куртки, клеенчатые шинели, вязаное белье, которое в пору было и большим, и

маленьким, так что суровость зимы легко можно было перенести. Если обстоятельства позволят переменить яхту на более удобное пристанище, то каждый перенесет свою койку с хорошими матрасами, простынями, наволочками, одеялами, и всех этих вещей могло хватить надолго.

Надолго... А может быть, и навсегда!

Из морских инструментов Гордон записал в своей книжке два барометра-анероида, спиртовой стоградусный термометр, двое морских часов, несколько медных рожков, которые употребляются во время тумана и далеко слышны, три подзорные трубы, компас, штормовой указатель, обозначающий приближение бури, и несколько флагов Соединенного королевства, не считая различных сигнальных флажков. Нашлась еще маленькая каучуковая лодка, которую можно было складывать как чемодан и употребить для переправы через реки или озера.

Что касается инструментов, то в столярном ящике был целый набор их, не говоря уж о мешках с гвоздями, винтах, железе для небольших починок в яхте и тому подобного. Не было недостатка и в пуговицах, нитках, иглах, потому что матери этих детей предвидели частую починку. Имелся большой запас спичек.

На палубе нашлись также географические карты, но они относились только к берегам

Ново-Зеландского архипелага и были бесполезны в этой незнакомой местности. К счастью, Гордон взял с собой один из общих атласов, заключающих в себе карты Старого и Нового Света; это был атлас Штилера, считающийся современными географами одним из лучших. В библиотеке на яхте было несколько хороших английских и французских сочинений, главным образом о путешествиях, и несколько старых научных книг, не говоря о «Робинзоне», которого Сервис спас, как некогда Комоэнс спас свою «Луизиаду»; Гарнетт спас свой знаменитый аккордеон, оставшийся невредимым после крушения. Кроме книг были все необходимые письменные принадлежности: перья, карандаши, чернила, бумага и календарь 1860 года, в котором Бакстеру было поручено вычеркивать каждый прожитый день.

— Наша бедная яхта выброшена на берег десятого марта! Я вычеркиваю десятое марта, а также все предыдущие дни тысяча восемьсот шестидесятого года, — объявил он.

В денежном сундуке на яхте нашли 500 фунтов стерлингов золотой монетой. Может быть, эти деньги пригодятся, если им удастся достигнуть какого-нибудь порта, откуда они бы могли отправиться на родину.

Гордон начал тщательно осматривать бочки, сложенные в трюме. У многих из них — с джином,

элем и вином — было вышиблено дно при столкновении и содержимое разлилось. Это была незаменимая потеря, и надо было принять меры к сохранению оставшегося.

В общем, в трюме яхты находилось сто галлонов красного вина и хереса, пятьдесят галлонов джина, коньяку и виски, сорок бочонков эля по двадцать пять галлонов и более тридцати бутылок различных ликеров, упакованных в солому и хорошо сохранившихся.

Итак, материальная жизнь этих юных путешественников была обеспечена, по крайней мере на некоторое время. Оставалось исследовать берег — не найдется ли каких-нибудь средств для сбережения запасов. Если мальчики были выброшены на остров, то нечего было надеяться уехать отсюда, разве только, если бы зашло сюда какое-нибудь судно, которому они дали бы знать о своем присутствии. Чинить яхту, поправить тамберсы, переделать борт — было невозможно, так как у них не было ни сил, ни инструментов. Новое судно нельзя было построить из остатков яхты, кроме того, не зная искусства навигации, они не могли бы пересечь Тихий океан, чтобы добраться до Новой Зеландии. На лодках можно было бы приблизиться к какому-нибудь матерiku или острову. Но они все были унесены волной, и на яхте остался только один ялик, годный для

плавания вдоль берега.

Около двенадцати часов младшие мальчики и Моко вернулись на яхту. Они принесли большой запас ракушек, которые юнга начал готовить для еды.

Моко видел множество съедобных голубей, гнездившихся в верхних углублениях скалы, так что можно было достать на берегу много яиц.

— Это хорошо! — заметил Бриан. — Как-нибудь утром мы отправимся охотиться.

— Наверно, — подтвердил Моко, — от трех или четырех выстрелов из ружья к нам попадают голуби дюжинами. А до гнезд можно добраться по канату!..

— Отлично, — заметил Гордон. — Не пойдет ли Донифан завтра охотиться?

— Согласен! — ответил Донифан. — Феб, Кросс и Уилкоккс, хотите идти со мной?

— С удовольствием, — ответили все трое в восторге.

— Однако, — заметил Бриан, — я вам советую не убивать мною голубей; когда понадобится, мы опять пойдем на охоту. Не надо тратить понапрасну дроби и пороха.

— Хорошо, хорошо! — ответил Донифан, не терпевший замечаний, особенно когда они исходили от Бриана. — Мы еще не начали стрелять, а нам уже дают советы.

Через час Моко объявил, что завтрак готов. Все поспешили на яхту и разместились в столовой. Вследствие наклонного положения яхты стол заметно скривился на левую сторону. Но дети, привыкшие к боковой качке, не обратили на это внимания. Моллюски, главным образом раковины, особенно им понравились, хотя приготовить их можно было и лучше. Но в этом возрасте не требовательны. Печенье, хороший кусок говядины, пресная вода, взятая в устье реки во время отлива и разбавленная несколькими каплями коньяку, составили довольно сносный завтрак.

Днем они приводили в порядок каюты и трюм, разбирали записанные вещи. В это время Дженкинс и его товарищи занялись рыбной ловлей в реке, изобиловавшей рыбой. После ужина все легли спать, исключая Бакстера и Уилкокса, которые должны были дежурить до утра.

Так прошла первая ночь на этом берегу.

В общем, положение молодежи было сносным: многие мореплавателей терпели крушение при гораздо худших обстоятельствах. На их месте люди здоровые и ловкие сумели бы выйти из затруднения. Но так как старшему из них было четырнадцать лет, то можно было сомневаться, хватит ли у них сил и умения бороться за свое хрупкое существование.